

Авраам в исламской традиции

Не был Авраам ни иудеем, ни христианином,
а был единобожником, мусульманином.

Коран 3:67

Аврааму в Коране уделено особое внимание, отведена важнейшая роль. Он упоминается в 37 коранических пассажах, 25 сурах, 245 айатах, уступая только Моисею (502 айата). Без преувеличения можно сказать, что это две ключевые фигуры Корана, во многом расшифровывающие и основное содержание ислама и пророческое призвание Мухаммада.

В Коране Моисей — предшественник, прототип и провозвестник пророческой миссии Мухаммада. Призвание Мухаммада реализуется в Моисеевой пророческой парадигме. Так, о Мухаммаде говорится:

Истинно, Мы послали к вам посланника свидетелем против вас, как посылали посланника к Фараону (Коран 73:15).

Вера же Мухаммада и мусульман реализуется в вероисповедной парадигме Авраама. Авраам — правоверующий или единобожник (*hanif*, см. Коран 2:135; 3:67, 95; 16:124) и отец верующих:

Он избрал вас и не устроил для вас в религии никакой тяготы, как и в общине отца вашего, Авраама. Он назвал вас мусульманами (Коран 22:31).

В *Новом Завете* в пророчестве Захарии есть слова: «Клятву, которою Он клялся Аврааму, отцу нашему...» (Лк 1:73)¹.

Аврааму Бог ниспослал *свитки* — хронологически первое упоминание в Коране ниспосланного Писания:

¹ Ср. также Римский мартиролог на 9 октября: «Patriarchae nostri Abrahae omnium credentium Patri» (Патриарху нашему Аврааму, Отцу всех верующих — лат.).

Да, вы предпочитаете жизнь ближайшую, а последняя лучше и длительнее. Поистине, это — в свитках первых, свитках Авраама и Моисея (Коран 87:16–19).

Авраам был праведником и пророком (Коран 19:41) «с сердцем беспорочным» (Коран 37:84), кротким, сострадательным и жалостливым (Коран 11:75); Бог поставил его имамом (тем, кто направляет, руководит) для людей (Коран 2:124).

Есть в Коране аят, дающий еще одну характеристику Аврааму. В цитате это слово я оставляю без перевода:

Истинно, Авраам был *ummat^{an}*, покорным Богу и единобожником; он не был из многобожников (Коран 16:120).

В обычном значении *umma* — община, народ. Но какое разнообразие переводов! Г. Саблуков и И. Крачковский переводят *имамом*, Н. Османов — *предводителем*; Э. Кулиев — *вождем*. Мухаммад Али переводит *образцом (добродетели)*, Йусуф Али — *образцом*. В мусульманских переводах на английский — это норма. Мусульманские переводы на французский М. Хамидуллаха и Х. Бубакера дают *идеальным предводителем*. А вот Пиктал и А. Арберри переводят *народом*. Д. Массон в своем прекрасном французском переводе тоже отдает предпочтение варианту *народ*.

Мне представляется предпочтительным перевод *народ* не потому, что таково основное словарное значение слова *umma*, а потому, что вполне возможно предположить лаконичную кораническую констатацию важнейшей миссии Авраама: «Я произведу от тебя великий народ» (Быт 12:2) и «Я сделаю тебя прародителем многих народов» (Быт 17:5).

Ислам, исторически ставший последней мировой религией, самой молодой религией, сам себя, по крайней мере, в лице своего основателя Мухаммада, таковой вовсе не осознавал. В Коране вполне определенно говорится, что Мухаммад призван не для того, чтобы дать людям новое вероучение, а для того, чтобы восстановить в изначальной чистоте веру в единого Бога:

Скажи: в ряду посланников я не есть какой-либо нововводитель (*bid'an*); не знаю ни того, что сделается со мной, ни того, что — с вами; следую только тому, что открыто мне; я только верный учитель (Коран 46:9).

Эта вера заложена в каждом человеке, свойственна его подлинной природе (*fiṭra*), благодаря завету, который Бог заключил с сынами Адама, т. е. человеческим родом:

Некогда Господь твой из сынов Адама, из чресл их, извлек потомков их и повелел им дать исповедание о себе самих: «Не есмь ли Я Господь ваш?» Они сказали: «Да, исповедуем это», — это было для того, чтобы в день воскресения не сказали: мы не были в состоянии постигнуть это; или не сказали: отцы наши прежде нас признавали соучастников Богу, а мы были только их потомками... (Коран 7:172–173).

Эта идея получает развитие и в мусульманской традиции. Согласно распространенному хадису²:

Абу Хурейра, да будет доволен им Бог, сообщил, что Посланник Божий, мир ему и Божье благословенье, сказал: «Каждый ребенок рождается в состоянии *fiṭra* (т. е. в состоянии чистоты, верующим в единого Бога. — А. Ж.). Это родители делают его иудеем, христианином, зороастрийцем. Так и верблюдица производит на свет своих верблюжат. Разве найдешь ты в их членах хоть какой-нибудь изъян?» [al-Bukhārī 1270, 1295]

Итак, ислам по отношению к иудаизму и христианству религия не новая. В чем же мусульмане находят основание для утверждения истинности своей веры? В Коране говорится:

Они говорят: «будьте иудеями» или «будьте христианами» — найдете прямой путь! Скажи: нет! мы община Авраама, веровавшего в единого Бога, он не был в числе многобожников (Коран 2:135).

В другом месте:

Мы возвестили тебе в откровении: следуй религии Авраама, который был истинной веры (Коран 16:124).

И, наконец, ключевой аят — средоточие авраамической темы в Коране:

Не был Авраам ни иудеем, ни христианином, а был единобожником, мусульманином (*musliman*) и не был из числа многобожников (Коран 3:67).

² Хадис (*hadīth*) — короткий рассказ о том, что сказал, сделал или молчаливо одобрил Мухаммад. Хадисы в своей совокупности образуют корпус мусульманского предания — сунну.

Таким образом, вера Авраама — эталон мусульманской веры. Бог Авраама — Бог ислама:

Истину говорит Бог! Следуйте религии Авраама, который был правоверующим и не был в числе многобожников (Коран 3:95).

Причем арабы-мусульмане утверждают свое родство с Авраамом не только по вере, но и по крови, считая своим праотцем Измаила, сына Авраама и Агари.

Это открытие действительного родства с Авраамом через Измаила, которое только намечается в Коране³, окончательно утверждает мусульманская традиция, представляя тем самым легитимной посланническую миссию Мухаммада, его *своеобычную* причастность иудео-христианской пророческой традиции.

В одном хадисе повествуется о том, как однажды Авраам из-за ревности Сарры взял невольницу Агарь, когда она еще носила его сына Измаила в утробе, отвел ее в аравийскую пустыню, к Мекке, и посадил ее под деревом, которое росло над иссякшим источником Замзам. Место это было безлюдным и не было там воды. Авраам оставил своей невольнице только мешок с финиками и мех с водой, затем повернулся, чтобы уйти. Агарь вскричала:

«Авраам! Почему ты нас оставляешь в этом месте, где нет людей, где нет ничего?» Она плакала, но он так и не обернулся, чтобы взглянуть на нее. Тогда Агарь спросила: «Это Бог повелел тебе так поступить?» — он ответил: «Да», — она же сказала: «Он не даст нам погибнуть». Авраам ушел и, достигнув места, где Агарь уже не могла видеть его, повернулся лицом к Мекке, воздел руки и стал молиться: «Господи наш! Я поселил часть моего потомства в долине, где не растут злаки, у Твоего заповедного храма. Господи наш! Пусть они творят молитву. Склони сердца людей к ним, надели их плодами, — быть может, они возблагодарят Тебя» (Коран 14:37) [al-Bukhārī 3109].

³ В Коране имя Измаила упоминается только 12 раз, в основном в цепочках перечислений имен других пророков. Однако одного коранического пассажа — возведения Каабы вместе с Авраамом (2:124–136) — вполне достаточно для того, чтобы сделать Измаила одной из центральных фигур в исламе.

Вспомним, что в Средние века христиане часто называли мусульман агарянами или измаильянами⁴. Пусть в сугубо отрицательном плане и весьма смутно, но христиане с самого появления ислама угадывали его таинственную связь с Авраамом, Агарью и Измаилом. Однако они неизменно подчеркивали в связи с этим отверженность Измаила, исключенность его из Завета с Богом, поразительным образом игнорируя библейские обетования об Измаиле.

Одним из первых уже в духе исламодицеи (т. е. исторического и духовного оправдания ислама) на эту таинственную связь обратил внимание Вл. Соловьев. В работе «История и будущность теократии» Вл. Соловьев рассматривает ислам в плане его места в общем теократическом движении человеческой истории. Кроме главного ствола теократии, идущего от Авраама через народ еврейский, Бог возрастил и некоторые побочные ветви. За двадцать пять столетий до появления ислама предусмотрено было свыше и предуказано величие и особое значение в судьбах Божьих племени аравийского, исшедшего из Авраама через побочного его сына Измаила. Ислам, получивший в лице Агари и Измаила четырехкратное обетование Господне, есть одна из таких побочных ветвей, которая пошла от самого начала ствола. «Умножая умножу семя твое и не сочтется от множества» (Быт 16:10). Благодаря исламу небольшое аравийское племя необычайно возросло, вобравши в свои недра множество покоренных и обращенных народов, и распространило силу своего имени и своей новой религиозной идеи на всю южную половину старого исторического мира, от Марокко на Западе до Индии и Китая на Востоке [Соловьев 1911–1914: 381].

Вторая важнейшая авраамическая тема в Коране — исключительный статус отношений Бога с Авраамом, которого Он «избрал Себе другом»:

Кто лучше по вере того, кто вверил себя Богу (*mimman aslama wadjhahu lillah*), он творит добро и следует вере Авраама, единогобожника. Бог избрал Авраама Себе другом (Коран 4:125).

Сравни с *Исаией*:

А ты, Израиль, раб Мой, Иаков, которого Я избрал, семя Авраама, друга Моего (Ис 41:8).

⁴ Религией измаильян и агарян называл ислам уже Иоанн Дамаскин.

Эпитет *друг Божий* прилагается в Коране только к Аврааму. В остальных случаях отношение человека к Богу мыслится преимущественно в категории слуги/раба Божьего. В *Новом Завете* отношение раб—Господин снимается актом усыновления, которого человек удостоивается благодаря искупительной жертве Сына Божьего. Например, в *Послании к Галатам*:

Посему ты уже не раб, но сын, а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа (Гал 4:4–7).

Коран же принципиально отвергает идею сыновства Божьего, усматривая в ней посягательство на абсолютное единство и трансцендентность Бога, Его радикальную недоступность. И вдруг *khalil Allah* по отношению к Аврааму: друг Божий, так принято переводить эти коранические слова, так их чаще всего понимают и переводят на европейские языки сами мусульмане, но примечательно, что *khalil* допустимо переводить и как возлюбленный. Так и переводит Э. Кулиев:

Чья религия может быть прекраснее религии того, кто покори́л свой лик Аллаху, будучи творящим добро, и последовал за верой Ибрахима (Авраама), исповедуя единобожие? Аллах сделал Ибрахима (Авраама) Своим *возлюбленным* (Коран 4:125).

Сравни в *Книге Даниила* — синодальный перевод: «Ради Авраама, возлюбленного Тобой» (Дан 3:35); в Септуагинте: διὰ Αβρααμ τὸν ἠγαπημένον ὑπὸ σοῦ (эти слова из «Песни Азариин», которой нет в *Танахе* и в протестантском каноне).

Статус *друга Божьего* определяет особые отношения Авраама с Богом:

Мы избрали его в сем мире; он и в будущей жизни будет в числе праведных (Коран 2:130).

Как *друг Божий* Авраам дерзает «спорить за народ Лота» с Богом, когда Тот приговаривает его к «наказанию неотвратимому» (Коран 11:76) — столь частый мотив спора пророка с Богом в *Ветхом Завете* и исключительный случай в Коране. Как *друг Божий* Авраам осмеливается просить у Господа доказательств Его всемогущества:

И когда Авраам сказал: Господи, покажи мне, как оживляешь Ты мертвых! Он сказал: Ужели ты не веришь? Он сказал: Напротив, а только для того, чтобы успокоить

сердце мое. Он сказал: Так возьми четырех птиц, разрежь их на части, какие ты хочешь, и части их разложи по горам; потом позови их: они быстро прилетят к тебе; из этого узнай, что Бог силен, мудр (Коран 2:260).

Этому айату предшествует частотная для Корана тема нового творения. Воскрешение умерших мыслится как второе творение:

...Посмотри на кости, как Мы их собираем, а потом одеваем мясом (Коран 2:259).

Они говорят: уже ли после того, как сделаемся костями, прахом, уже ли восстанем, ставши новым творением?.. Кто воссоздаст нас? Скажи: Тот, кто сотворил вас в первый раз (Коран 17:49–50).

Сравни с пророком Иезекиилем:

Так говорит Господь этим костям: Я вложу в вас дух, и вы оживете. Я прикреплю к вам сухожилия, наращу мясо и покрою вас кожей. Я дам вам дух, и вы оживете. И тогда поймете вы, что Я — Господь (Иез 37:5–6).

Согласно Корану, Авраам рано понял бессмысленность веры в идолов, которым поклонялись его соплеменники. Он долго искал истинного Бога, обратившись сначала к астральным культам:

Когда покрыла его ночь, он увидел звезду; он сказал: Это Господь мой! Но когда она закатилась, то он сказал: Не люблю закатывающихся. Потом, когда увидел он восходящую луну, сказал: Это Господь мой! А когда она закатилась, он сказал: Если бы Господь мой не вывел меня, я был бы из людей заблудших. Когда же он увидел солнце восходящим, он сказал: Вот Господь мой; этот самый великий! Когда же и оно зашло, он сказал: Народ мой! Я чист от тех, кого вы признаете соучастниками Богу (Коран 6:76–78).

И вот тогда Аврааму открылась вера в единого и единственного Бога: «Я обращаю лицо свое к Тому, кто сотворил небеса и землю, истинно поклоняясь Ему; я не из многобожников» (Коран 6:79). Авраам попытался проповедовать эту истинную веру своему народу, но соплеменники не поверили ему, как не поверили в свое время Ною, не поняли и не приняли его, посчитав хулителем. Тогда Авраам разбил в куски всех идолов (Коран 21:58). Его бросили в огонь, но Бог чудесным образом спас его:

Они сказали: сожгите его! Заступитесь за богов ваших, если вы хотите что сделать. Мы сказали: огонь, будь хладен! мир Аврааму! (Коран 21:68–69; см. также 37:97).

Сравни историю трех мужей Седраха, Мисаха и Авденага в печи огненной в *Книге пророка Даниила*.

Но Ангел Господень сошел в печь вместе с Азариею и бывшими с ним и выбросил пламень огня из печи, и сделал, что в середине печи был как бы шумящий влажный ветер, и огонь нисколько не прикоснулся к ним, и не повредил им, и не смутил их (Дан 3:49–50).

В мекканский период своих проповедей, гневно обличая идолов и многобожие, Мухаммад будет как бы повторять аргументы Авраама [Пиотровский: 84–85].

Авраам пытается убедить хотя бы своего отца уверовать в единого Бога:

Вот сказал Авраам отцу своему Азару⁵: Ужели ты кумиры принимаешь за богов? Вижу, что ты и народ твой в очевидном заблуждении (Коран 6:74).

Но и здесь он отвергнут:

Ужели ты, Авраам, испытываешь отвращение к моим богам. Если ты не удержишься от этого, я побью тебя камнями. Уйди от меня надолго (Коран 19:46).

Сравни «Книгу юбилеев» или «Малое бытие» (XII.1–7):

И было, в шестую седмину, в седьмой год ее, сказал Аврам Фарре, отцу своему, говоря: «Отец!» И тот сказал: «Вот, здесь я, сын мой». И сказал Аврам: «Какая нам польза и выгода от этих кумиров, которым служишь ты и пред которыми преклоняешься ты? Ибо нет в них духа, ибо они суть бессловесные фигуры, и обманщики сердца. Не служи им; служи Богу небесному, Который производит дождь и росу на земле, и делает все на земле, и создал все словом Своим, и вся жизнь — от лица Его. Для чего служите вы вещам, не имеющих духа в себе? Ибо они суть творения рук, и на своих плечах носите вы их, и нет вам помощи от них. Но они — причина великого позора для делающих их, и обманщики сердца для тех, кто служит им. Не служи им».

⁵ Возможно, смешение с Елиезером — мажордомом Авраама (Быт 15:2). Мусульманские комментаторы объясняли это расхождение в именах тем, что Азар — прозвище Фарры или его титул при дворе царя Нимрода.

Согласно *Книге юбилеев*, впрочем, отец Авраама соглашается с этими доводами сына, однако ссылается на свой народ, который убьет его за правду. Гневаются же на Авраама два его брата.

Тогда Авраам в Коране, как и в *Книге юбилеев*, принимает решение уйти от своего народа:

Я отделиюсь от вас и от того, что вы призываете помимо Бога (Коран 19:48).

И Бог заключает с Авраамом союз:

Вот сказал Господь Аврааму: «Предайся!» (*aslim*). Он сказал: «Я предался (*aslantu*) Господу миров». И заповедали это Авраам и Иаков своим сыновьям. И сказал Иаков: «О сыновья мои! Бог избрал для вас веру. Не умирайте, не будучи предавшимися (*muslimūna*)» (Коран 2:131–132).

Во время своих скитаний Авраам остановился в Мекке. Здесь он возвел Господу первый храм в Аравии⁶. Много веков спустя это место стало главнейшим духовным центром мусульман, средоточием ислама. Не считая ежегодного паломничества, в его сторону пять раз в день во время молитвы обращаются миллионы верующих. Совершить хотя бы раз в жизни паломничество (*hajj*) в Мекку, к *ka'ba*, — одна из пяти религиозных обязанностей каждого мусульманина. Во время ежедневных ритуальных молитв (*al-ṣalāt*), также являющихся религиозной обязанностью каждого мусульманина, верующие должны обращать свои лица по направлению к *al-ka'ba*. В мечетях это направление (*kibla*) указывает специальная ниша в стене (*mihrāb*).

Более того, во время пяти ежедневных предписанных молитв и паломничества, на свадьбах и похоронах, т. е. основных событий в жизни человека, мусульмане обязательно читают молитву Авраама (*al-ṣalāt al-ibrāhīmiyya*):

Боже, благослови Мухаммада и род Мухаммада, как благословил Ты Авраама и род Авраама, ниспосли благословение Мухаммаду и роду Мухаммада, как ниспослал Ты благословение Аврааму и роду Авраама в этом и ином мирах. Воистину, Ты достоин всякой хвалы и славы [Мусульманину об исламе: 31].

⁶ Храм я употребляю условно, буквально в Коране — *bayt* (Дом). Сами же мусульмане чаще всего говорят *ka'ba*.

Сверх того, культовое содержание паломничества связано во многом с воспоминанием и прославлением событий из жизни Авраама, Агари и Измаила. Помимо семикратного обхода *al-ka'ba* (*tawāf*) и целования (*taḡbīl*) черного камня, символизирующего поклонение единому и единственному, всемогущему Богу, что еще совершает во время хаджа мусульманин? Он семь раз пробегает между холмами ас-Сафа и ал-Марва (*sa'y*) в воспоминание о метаниях Агари в поисках воды для умирающего от жажды Измаила, когда они были изгнаны в пустыню. Мусульманин также пьет воду из колодца Замзам, который открыл уже отчаявшейся Агари ангел Гавриил и из которого она напоила Измаила. Паломники также на второй день хаджа, 9-го числа месяца зу-л-хиджжа, направляются в полдень к горе Арафат⁷ и там, у подножия горы, остаются стоять (*wuḡūf*) до наступления темноты. Это — кульминационный момент паломничества, символизирующий предстояние перед ликом Божиим в Судный день. В течение всего стояния верующие зывают к Богу, испытывая свою совесть, и постоянно читают *talbiya* — молитву, которую мусульманская традиция также приписывает Аврааму:

Вот я перед Тобой, Боже! Вот я перед Тобой! Нет у Тебя соучастника! Вот я перед Тобой! Воистину, хвала Тебе, милость и могущество! Нет у Тебя соучастника! [Мусульманину об исламе: 42].

Эту молитву мусульманин читает также перед началом паломничества, вступая в Мекку и входя в состояние *iḥrām*⁸.

Во время хаджа паломник также останавливается и молится около *makām Ibrāhīm* (букв. места или стоянки Авраама — камня рядом с *al-ka'ba*, на который вставал Авраам и у которого он молился, когда возводил его). Коран описывает возведение *al-ka'ba* Авраамом и его сыном Измаилом следующим образом:

И вот Авраам, вместе с Измаилом, положил основание этому дому. «Господи наш! Призри на нас! Ибо Ты слышащий, знающий. Господи наш! Сделай и нас предавшимися Тебе (*muslimīn*), и наше потомство — общиной, предавшей-

⁷ *'Arafāt* (араб.) — название группы вершин к востоку от Мекки и одной из гор — *'arafa*, у подножия которой и происходит *wuḡūf*.

⁸ Особое состояние, в которое должен войти верующий, совершив ряд очистительных обрядов, перед началом хаджа; а также специальное одеяние паломника, состоящее из двух отрезков белой материи.

ся Тебе (*umma muslima*); покажи нам места нашего поклонения, и обратись к нам, ведь Ты — обращающийся и милосердный. Господи наш! Воздвигни среди них посланника из них самих, который прочтет им Твои знамения и научит их Писанию и мудрости, и очистит их, ведь Ты, поистине, — великий, мудрый (Коран 2:127–129).

Так, согласно мусульманским комментаторам, Авраам, возведя (или, по другой трактовке, восстановив) *al-ka'ba*, обращается к Богу с молитвой о пророке для арабов.

Эти айаты ярко раскрывают природу и глубокие связи, соединяющие ислам и Авраама. А главное, миссия, доверенная Мухаммаду, предстает в этих айатах как ответ на молитву библейского патриарха. Однако со временем храм, возведенный единому Богу принципиальным противником язычества, стал языческим капищем. Это и есть, согласно Корану, *tahrif* — повреждение, которому подвергается истинная вера в силу нравственного несовершенства человеческой природы. Поэтому Бог доверяет Мухаммаду миссию восстановления веры в единого Бога. Миссия эта продолжила и завершила миссию Авраама.

В айате, который предшествует молитве Авраама о пророке для арабов, говорится:

Мы сделали Дом пристанищем для людей и безопасным местом. Изберите же место Авраама местом молитвы (*wattakhidhū min makām Ibrāhīm muṣalan*) (Коран 2:125).

Один из ритуалов хаджа — молитва в два rakata у *Места Авраамова* в Заповедной мечети. В суфизме это понятие приобретает значение, близкое к *Лону Авраамову*, в иудаизме первоначально — обитель мертвых, позже — место, где души праведников наслаждаются покоем и блаженством. Например, формула, встречающаяся в IV *Книге Маккавеев*: «Авраам, Исаак и Иаков примут нас» (13:17). В Новом Завете этот образ встречается лишь однажды:

И случилось, что умер нищий, и отнесли его ангелы на лону Авраамова. Умер и богач, и похоронили его; и в аду, пребывая в мучениях, поднял он глаза свои и видит издали Авраама и Лазаря на лоне его (Лк 16:22–23).

Однако *Лону Авраамова* как образ потустороннего места блаженного упокоения умерших праведников и страдальцев получает широкое распространение в христианской иконографии.

Это — символ защищенности людей, доверившихся Богу под покровительством Авраама, интимно соединенных с ним, подобно малым детям, либо сидящим на коленях отца (например, мозаика в Реймском и Парижском соборах Notre-Dame), либо укрывшимся у него за пазухой (фреска Даниила Черного в южном неффе Дмитриевского собора во Владимире). Иногда рядом с Авраамом восседают Исаак и Иаков, на груди которых также изображены маленькие фигурки праведников.

В Коране о месте в Мекке, где молился Авраам, сказано:

В нем есть ясные знамения: место Авраама, и кто входит в него, тот безопасен (Коран 3:97).

Еще одно важнейшее в истории ислама событие, связанное с Авраамом и его сыном от Агари Измаилом, — хиджра (*hidjra* — араб. переселение), в основном значении — переселение Мухаммада из Мекки в Медину в 622 г., событие, от которого мусульмане ведут свое летосчисление по лунному календарю, и которое сыграло решающую роль в становлении ислама: разрыв родственных связей вывел мусульманскую общину из племенного измерения. Обрывалась историческая пуповина, связывавшая новое религиозное мироощущение с материнской почвой, подобно уходу Авраама из Ура, подобно выселению Измаила в пустыню. Уход Мухаммада из Мекки претворяет божественный замысел об Измаиле, сыне Авраама от Агари.

В Коране есть такие слова: «Поистине, религия пред Богом — ислам» (Коран 3:19), т. е. искреннее и преисполненное доверия предание себя в руки Творца, единого и непостижимого. Согласно современному мусульманскому автору Мохамеду Талби, в этом заключается основополагающий и этимологический смысл слова *ислам*. Среди всех посланников Бога, согласно Корану и мусульманскому вероучению, именно Авраам своей верой-доверием и своими делами лучше других символизирует подобное отношение к Богу. По молитвам своим он уже в преклонных годах получил от Бога «кроткого сына» (Коран 37:101). И вот, едва только сын подрос и стал трудиться вместе с ним, как Авраам получил во сне повеление принести его в жертву⁹. Повеление безо всякого объяснения и мотивации.

⁹ В Коране о жертвоприношении Авраама повествуется в 37 суре, 102–109 аяты.

Однако ни Авраам, ни его сын (в Коране имя сына не названо, но мусульманские комментаторы единодушно называют Измаила, указывая, что Исаак в это время еще не был рожден) не протестуют и не возмущаются:

Отец мой, делай, что тебе приказано; ты найдешь меня, если пожелает Бог, терпеливым (Коран 37:102).

В решающий момент, когда нож был уже занесен, рука Авраама была остановлена, и юношу «искупили <...> великой жертвой» (Коран 37:107).

В символе отмененного жертвоприношения сокрыт и еще один смысл: подлинная жертва Богу — богобоязненность и сердце сокрушенное:

Ни мясо, ни кровь их не достигают Бога, достигает Его лишь ваша богобоязненность. Так Он подчинил их вам, чтобы вы славили Бога за то, что Он ведет вас (Коран 22:37).

Сравни:

Не хочешь Ты, чтоб я жертву принес, всесожжения неуютны Тебе. Жертва Богу — сокрушенный дух, сокрушенного сердца не отвергнет Бог (Пс 50:18–19).

Согласно мусульманским толкованиям этого события, Бог подвергает нас тяжелым испытаниям, но в конечном счете всегда избавляет от них. Мы не понимаем смысла тех испытаний, через которые проходим. Человеку не под силу понять природу зла. Единственное, что ему доступно, — принять ее в доверии творения к своему Творцу, даже в том случае, если разум наш отказывается понимать и возмущается. Мохамед Талби так комментирует готовность Авраама принести своего возлюбленного сына в жертву:

В символе жертвоприношения, совершенного Авраамом, заключен глубочайший смысл ислама. А именно — доверчивое предание всего своего существа Богу. Богу Всемогущему, чьи пути столь часто непонятны и таинственны для нас, — но также и бесконечно Благому и Мудрому [Мохамед Талби: 196].

Итак, Мухаммад, согласно Корану и исламскому вероучению, призван не для того, чтобы создать новую религию, а для того, чтобы восстановить истинную веру Авраама, который был первым мусульманином. И в этом наиглавнейшая кораниче-

ская миссия Авраама. Собственно, через Авраама Мухаммад в своих ранних проповедях утверждает определенное духовное родство своей веры с иудейской и христианской духовными традициями, а в более поздний период именно через Авраама Мухаммад противопоставляет веру мусульман иудаизму и христианству. Можно сказать, что религиозная самоидентификация Мухаммада начинается именно с осознания того факта, что Авраам не был ни иудеем, ни христианином, но был уже верующим в единого Бога. Без этой религиозной интуиции, может быть, и не было бы ислама. Поскольку без этого религиозно-исторического «отката назад» араб-язычник, отвергнув идолов и обратившись в веру в единого Бога, попадал бы в прямую зависимость от одной из двух монотеистических традиций с их богатым и сложным, веками наработанным духовным опытом, который, очевидно, оказался для него непосильно тяжким ярмом.

В какой-то степени возможно чисто формальное сравнение авраамического опыта Мухаммада с обращением апостола Павла. После встречи с Христом на пути в Дамаск Павел прозревает в Аврааме образ того, кто был оправдан верой, оправдан доверием и покорностью самими по себе, а не законом, поскольку закона еще не было, и даже обрезание Авраама последовало позже. Исходя из этого, Павел ставит принадлежность Аврааму по вере выше принадлежности ему по закону:

Ибо не законом даровано Аврааму, или семени его, обетование быть наследником мира, но праведностью веры (Рим 4:13).

В очерке «Магомет, его жизнь и учение» Вл. Соловьев напишет:

В Мекке родился человек, через которого исполнились древние обетования Божии об Измаиле, предке его [Соловьев 1991: 12].

Полвека спустя в эссе «Три молитвы Авраама», независимо от Вл. Соловьева, французский исламовед Луи Массиньон увидит в исламе таинственный ответ Бога на молитву Авраама в Вирсавии:

Итак, ислам, явившийся после Моисея и Иисуса с пророком Мухаммадом, протестующим провозвестником Суда смерти, ожидающей все сотворенное, представляет собой таинственный ответ благодати на молитву Авраама за Из-

маила и арабов: «И о Измаиле Я услышал тебя» [Массиньон: 180–181].

И еще Л. Массиньон напишет, имея в виду 14–17 стихи 21 главы Книги Бытия:

История арабского племени начинается со слез Агари — первых слез в Писании [Массиньон: 180].

Литература

- al-Bukhārī 1270, 1295 Fayḍ al-bārī ‘alā ṣaḥīḥ al-Bukhārī. Bayrūt, 2005, ḥadīth ruḳm 1270, 1295
- al-Bukhārī 3109 Fayḍ al-bārī ‘alā ṣaḥīḥ al-Bukhārī, ḥadīth ruḳm 3109
- Соловьев 1911–1914 *Соловьев В. С.* Собрание сочинений в 10 томах. СПб., 1911–1914. Т. 4.
- Пиотровский Пиотровский М. Б. Коранические сказания. М., 1991.
- Мусульманину об исламе Мусульманину об исламе: обряды и молитвы. М., 1992.
- Мохамед Талби Мохамед Талби. Вера Авраама и мусульманская вера // Христиане и мусульмане: проблемы диалога / Составление, вступительная статья и комментарии А. Журавского. М., 2000.
- Соловьев 1991 *Соловьев В. С.* Магомет: его жизнь и учение. М., 1991.
- Массиньон Массиньон Л. Три молитвы Авраама, отца всех верующих // Христиане и мусульмане: проблемы диалога / Составление, вступительная статья и комментарии А. Журавского. М., 2000.

tween the Russian concept *философия* and the English concept *philosophy*. Sociocultural Theory of Lexical Complexes (STLC) is the methodological basis of this research. Five conceptual clusters are marked out in the structure of the complex *философия*.

L. Ermakova

Nikolay Gumilyov and Sadayakko: Reflections and Imitations

This paper consists of two parts; the first is an examination of Gumilev's poems related to Japan as a kind of Gumilyov's "sacred geography," as well as an attempt to see the poems as his imaginary itinerary to Japan. As long as the first Gumilyov's "Japanese" poem is connected with the Japanese actress Kawakami Sadayakko, the second part of the paper is an inquiry into her troupe's tour of Petersburg and Moscow in 1902; the aim of this part is, as well, to introduce a selection of press-clippings, which are, to my mind, representative of the level of knowledge about Japan and the Japanese culture in Russian society more than a hundred years ago.

A. Zhuravskiy

Abraham in the Muslim Tradition

In the Quran, Abraham is given special attention and a most important part. He is mentioned in 245 ayats, next best but to Moses (502 ayats). It will be no exaggeration to say that they are the two key figures in the Quran, to an ample degree deciphering both the principal substance of Islam and the prophetic calling of Mohammed.

The Quran shows Moses as the predecessor, the prototype and annunciator of Mohammed's prophetic mission. Mohammed's calling appears as realized through the prophetic paradigm of Moses. Thus it is said there of Mohammed:

"Surely We have sent unto you a Messenger as a witness over you,
even as We sent to Pharaoh a Messenger" (Quran 73:15).

Meanwhile Abraham is called, first and foremost, to disclose the purport of the Muslim faith. The following is the key ayat, the focus of the Abrahamic theme in the Quran:

"No, Abraham in truth was not a Jew, neither a Christian,
but he was a Muslim and one pure of faith" (Quran 3:67).

That is, Abraham's faith was the Muslim faith, Abraham's God was the God of Islam.

Admittedly, it is through Abraham that Mohammed, in his early preachings, stated a certain spiritual affinity of his faith with Jewish and Christian spiritual traditions, while in his later period, it was specifically through Abraham that Mohammed contraposed the Muslim faith to Judaism and Christianity. It may be assumed that Mohammed's religious self-identification started from the moment of his awakening to the fact that Abraham was neither a Jew nor a Christian, but already believed in one God. But for his religious intuition, it might be that Islam would have never come into being.

S. Kullanda

Pride and Prejudice (Life Experience and Scholarly Quest)

Ingrained prejudices have a strong influence on the study of cultural-historical phenomena. This paper is a case study of one of such prejudices, i.e., the belief that kinship systems already existed in the earliest phases of human history. Notwithstanding conflicting evidence such as the use of the reflexes of allegedly kinship terms mostly in the plural as markers of belonging to certain social groups, scholars tend to ascribe to the protolanguage etymon the "consanguineal" meaning of the majority of its reflexes. However, neither phonetic nor semantic reconstruction is supposed to provide an archetype similar to one of its reflexes. Such a simplistic procedure has every chance of being erroneous. Reinterpretation of the traditional reconstruction enables one to regard the relevant etyma as classifiers of age-sex groups, yet a common-sensical bias defies the adoption of this hypothesis.

A. Meshcheryakov

Natural Calamities in the Capital: Catastrophe in the Mind and Perception of Natural Disasters in Heian Period

The second half of the Heian period (794–1185) is marked by deterioration of many state institutions; for this reason, the surrounding world was colored for Japanese aristocracy in much more pessimistic shades than in the previous Nara period. The end of Dharma Law, which they dated to 1052 A.D., also supported their pessimism. Historical data show that the natural disasters which

● Orientalia et Classica

Russian
State University
for the Humanities

● **Orientalia**
et **Classica**
**Papers of the Institute of Oriental
and Classical Studies**

Issue LXI

Ya evam veda...
Кто так знает...

In memoriam
Vladimir Nikolayevich
Romanov

Moscow
2016

Российский
государственный гуманитарный
университет

● **Orientalia**

et **Classica**

**Труды Института восточных культур
и античности**

Выпуск LXI

Ya evaṃ veda...

Кто так знает...

Памяти

Владимира Николаевича

Романова

Москва
2016

УДК 821.21'01:81'255.2
ББК 86.33
У 11

Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности
Выпуск LXI

Под редакцией И. С. Смирнова

Составители

Н. Ю. Чалисова (отв. ред.), Н. В. Александрова, М. А. Русанов

ISBN 978-5-7281-1777-3

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2016
© Институт восточных культур
и античности, 2016

Оглавление

Предисловие

<i>Н. В. Александрова, М. А. Русанов, Н. Ю. Чалисова</i>	5
<i>В. В. Глебкин. О научном пути В. Н. Романова</i>	11
<i>А. Н. Мещеряков. Владимир Николаевич Романов: человек на своём месте</i>	15

Раздел 1: Индология

<i>Н. В. Александрова, М. А. Русанов. Приметы рождения Бодхисаттвы в буддийской агиографии. «Поэтика перечней»</i>	25
<i>А. А. Вигасин. Цари и боги Древней Индии</i>	55
<i>А. М. Дубянский. Конь и колесница в тамильской лирике</i>	75
<i>Д. А. Комиссаров. Встреча Сиддхартхи Гаутамы с царем Бимбисарой: история текстов</i>	97
<i>Н. А. Корнеева. Брахманы намбудури: некоторые особенности традиции передачи ведийских текстов</i>	115

Раздел 2: История и теория культуры

<i>О. Ю. Бессмертная. Кем же был М.-Б. Хаджетлаше, или нужда в обмане</i>	135
<i>В. В. Глебкин. Структура лексического комплекса философия в текстах русской культуры XVIII в.</i>	191
<i>А. М. Ермакова. Гумилев и Садаякко: отражения и подражания</i>	211
<i>А. В. Журавский. Авраам в исламской традиции</i>	249
<i>С. В. Кулланда. Гордость и предубеждение (жизненный опыт и научный поиск)</i>	265
<i>А. Н. Мещеряков. Разгул стихий в столице: катастрофизм сознания и восприятие природных бедствий в Японии периода Хэйан</i>	283
<i>А. В. Смирнов. Эпистема классической арабо- мусульманской культуры</i>	299

Раздел 3: Переводы классических памятников

<i>А. Г. Лахути. Александр Великий в поэме 'Аттара 'Илахи-наме'</i>	327
---	-----

<i>Н. Н. Селезнев.</i> «Хотя и не обязательно для меня то, что приведено в Коране, я выведу из него доказательство»: Третья беседа Илии, митрополита Нисивина, и везира Абӯ-л-Қасима ал-Мағрибй	349
<i>Н. И. Пригарина, Н. Ю. Чалисова, М. А. Русанов.</i> «Мое сердце не принимает иного пути»: газель Хафиза о тщетных советах	365
<i>М. А. Алонцев, Л. Г. Лахути, Е. Л. Никитенко, Т. А. Счетчикова, Н. Ю. Чалисова.</i> Джунайд Багдади: «Павлин ученых» и «Султан приобщенных к истине»	381
Сведения об авторах	441
Abstracts of the papers	447

Contents

Foreword

<i>(N. Aleksandrova, M. Rusanov, N. Chalisova)</i>	5
V. V. <i>Glebkin</i> . Vladimir Romanov's scholarly path	11
A. N. <i>Meshcheryakov</i> . Vladimir Nikolayevich Romanov: the right man in the right place	15

Part 1: Indology

<i>N. Aleksandrova, M. Rusanov</i> . Omens of birth of the Bodhisattva in Buddhist hagiography: “the poetics of the catalogs”	25
A. <i>Vigasin</i> . The kings and the gods in Ancient India	55
A. <i>Dubyanskiy</i> . Horse and chariot in Tamil lyrics	75
D. <i>Komissarov</i> . Siddhartha Gautama meets king Bimbisara: a history of texts	97
N. <i>Korneeva</i> . The Nambudiri Brahmins: some peculiarities of Vedic texts transmission	115

Part 2: History and theory of culture

O. <i>Bessmertnaya</i> . Who was M.-B. Hadjetlaché after all, or the need for deceit	135
V. <i>Glebkin</i> . The structure of lexical complex <i>philosophy</i> in the texts of the 18th-century Russia	191
L. <i>Ermakova</i> . Gumilyov and Sadayakko: reflections and imitations	211
A. <i>Zhuravskiy</i> . Abraham in the Muslim tradition	249
S. <i>Kullanda</i> . Pride and prejudice (life experience and scholarly quest)	265
A. <i>Meshcheryakov</i> . Natural calamities in the capital: catastrophe in the mind and perception of natural disasters in Heian period	283
A. <i>Smirnov</i> . The episteme of the classical Arab-Islamic culture	299

Part 3: Translations

L. <i>Lahuti</i> . Alexander the Great in the <i>Ilahi-Nameh</i> by Farid ad-Din ‘Attar	327
--	-----

<i>N. Seleznyov</i> . “Though it is not obligatory for me what is stated in the Qur’ān, I will get proof from it”: the third conversation between Elias, Metropolitan of Nisibis, and wazir Abu ʿI-Qasim al-Maghribi	349
<i>N. Chalisova, N. Prigarina, M. Rusanov</i> . Hafiz’s ghazal on the futility of advice	365
<i>M. Alontsev, N. Chalisova, L. Lahuti, E. Nikitenko, T. Schetchikova</i> . Junaid Baghdadi: “The Peacock of the Learned” and “The Sultan of the Realized”	381
Notes on the contributors	441
Abstracts of the papers	447